

Эмблема этого необычного и, пожалуй, единственного в мире музея — скрипка и автомат. И название музея — «А музы не молчали — тают в себе память о тех, кто своим творчеством помогал людям вынести тяготы ленинградской блокады».

В музее, созданном в основном силами ленинградских школьников, хранятся тысячи бесценных реликвий, свидетельствующих о мужестве и каждодневном подвиге артистов, музыкантов, художников, писателей, не покинувших родной город в тяжкие для него дни. Особое место в экспозиции занимают документы, рассказывающие об исполнении 9 августа 1942 года оркестром Ленинградского радиокомитета Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича.

40 ЛЕТ НАЗАД В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ ПРОЗВУЧАЛА СЕДЬМАЯ СИМФОНИЯ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА

...Партитура симфонии в тот грозный 1942 год находилась в Куйбышеве, где она уже исполнялась оркестром под управлением Самосуда, ее надо было доставить в осажденный Ленинград.

Вспоминает пилот первого класса, полковник в отставке Василий Семенович Литвинов:

«На транспортном самолете на рассвете мы вылетели в Куйбышев. Сплошная низкая облачность благоприятствовала полету. Через Ладожское озеро до Тихвина шли на бреющем, под кромкой облаков, так что в случае появления вражеских истребителей мы могли уйти и скрыться в облачности. От Вологды до конечного пункта летели уже на высоте 2.500 метров.

Город Куйбышев встретил нас хорошей солнечной погодой. Переночевали и на следующий день — обратно. В самолете сидел пассажир (к сожалению, фамилии его не помню) «в обнимку» с объемистым темным портфелем. В портфеле находилась бесценная партитура — четыре толстые тетради Седьмой симфонии. Экипаж понимал, какое необычное задание выполняет. И хотя в повседневной нашей практике были полеты куда сложнее, чем этот, волнение не оставляло нас.

Сели в Тихвине, дозаправили самолет и под вечер, когда истребители противника в основном прекращали полеты, направились в Ленинград. Посадку произвели на аэродроме «Сосковка». Отсюда на автомашине посылка была доставлена по назначению».

В годы блокады директором Ленинградской консерватории был Григорий Федорович Фесечко. И когда четыре тетради партитуры прибыли в Ленинград, он стал одним из переписчиков симфонии. А потом Фесечко пришел к обессиленному от голода и холода дирижеру Карлу Ильичу Элиасбергу с предложением от начальни-

ка управления по делам искусств возобновить деятельность симфонического оркестра.

Не только люди, но даже музыкальные инструменты «болели» и погибали. Ксения Маркиановна Матус, которая в памятный день 9 августа играла на гобое, рассказывает:

«В марте 1942 года на Театральной площади я встретила нашу гобоистку, которая попросила меня прийти на Радио. Это означало — снова музыка, снова оркестр, снова жизнь...

Достала гобой... О ужас!!! Он весь покрылся зеленью, подушечки отклеились, набухли, он тоже стал дистрофиком».

Двадцать семь артистов оркестра Радиокомитета не дожили до исполнения

«Прошло минут пять с момента появления звуков симфонии. Вдруг стала слышна артиллерийская стрельба. Я и рядом сидящие товарищи сразу поняли: стреляют наши. И как бы в ответ на нарастание в оркестре forte усиливалась артиллерийская канонада. Заключительный эпизод первой части симфонии прошел с огромным подъемом. Звучность была предельной».

Дирижер оркестра К. И. Элиасберг:

«После концерта ко мне в артистическую зашли партийные руководители Ленинграда и командующий фронтом Л. А. Говоров. Все очень тепло поблагодарили, расспрашивали, как это все удалось сделать, как мы работали, а уходя, Говоров сказал фразу, которую я тогда не понял. Он сказал мне: «А мы сегодня для вас тоже поработали». Переспросить я не рискнул, а смысл этой фразы выяснился ровно через двадцать лет, когда в «Ленинградской правде» был напечатан приказ, отданный артиллерией Ленинградского фронта, о подавлении батарей противника, — специально для того, чтобы дать нам возможность спокойно сыграть Седьмую симфонию Шостаковича. Тогда

МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

я понял фразу, сказанную Л. А. Говоровым 9 августа».

Следопыты музея установили, что операция по подавлению батарей противника называлась «Шквал». Они нашли многих участников тех событий. Среди них бывший командир отделения 14-го контрударного артиллерийского полка, гвардии сержант Николай Васильевич Савков. Вот что узнали ребята:

«Перед исполнением Седьмой симфонии Шостаковича командующий Ленинградским фронтом поставил перед нами, артиллеристами-контрабатарейщиками, такую задачу: ни один вражеский снаряд не должен разорваться в Ленинграде во время концерта в Филармонии».

В то время, когда дирижер собирал и готовил артистов оркестра, штаб артиллерии 42-й армии со штабами артиллерийских полков готовили удары по фашистским батареям. Таблица огня была разработана до мельчайших деталей. Подготовка началась за много недель до 9 августа. В течение июля уточнялись координаты всех фашистских батарей, которые вели огонь по городу. Мало было обрушить огонь только на батареи противника, надо было ослепить наблюдательный пункт и нарушить управление. На эту операцию было выделено три тысячи крупнокалиберных снарядов. Ни один снаряд противника в этот день в городе не разорвался. Симфония была записана на пластинки, а потом неоднократно исполнялась по радио.

Александр ГЕНДЕЛЕВ,
руководитель музея.

ЛЕНИНГРАД.

● Дмитрий Шостакович во время работы над Седьмой симфонией.

Седьмой симфонии. Возникла еще одна проблема: где взять музыкантов — ведь для исполнения симфонии нужно было 80 человек. Тогда политуправления фронта и флота отдали распоряжения об откомандировании в оркестр музыкантов из действующих частей. Михаил Ефимович Смоляк — один из тех, кто прибыл в оркестр прямо с фронта, сменив пулемет Дегтярева на тромbones. В его откомандировочном предписании так и значилось: «Командируется в оркестр Радиокомитета для исполнения Седьмой симфонии Д. Шостаковича». Он вспоминает: